

№ 8

Op 84

Г 72

ГОСТИНЫЙ ДВОР

*Солдатам Великой Отечественной —
с благодарной памятью*

Галина Матвиевская

«Прекратить навсегда враждебные России действия...»

Оренбург, основанный в 1743 г. как город-крепость на границе с азиатскими странами, в течение полутора веков являлся важным центром внешней политики России на Востоке. Значение его особенно возросло в 30-е гг. XIX в., когда Англия начала укреплять свои восточные позиции и усилила торговую и дипломатическую активность в Средней Азии. Противостоять британской экспансии в регионе — такой была одна из задач, которые пришлось решать оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому (1795-1857), назначенному на этот пост в 1833 г. Ему во многом определялись отношения России со среднеазиатскими ханствами, особенно после начала военных действий англичан в Афганистане и занятия ими в 1839 г. Кабула.

У русского правительства большое беспокойство вызывала недружественная Хива, которая могла стать базой для проникновения англичан в Среднюю Азию. Хивинцы мешали издавна сложившимся торговым связям с Бухарским ханством, постоянно нападая на купеческие караваны и подвергая их разграблению. Кроме того, они серьезно осложняли отношения с казахами, которые уже сто лет находились в русском подданстве. Стремясь подчинить себе казахские роды, кочевавшие на соседних территориях, хивинцы принуждали их платить подати своему хану, а также подстрекали казахов похищать на границе с Россией людей и продавать их в рабство на невольничьем рынке в Хиве.

Всё это вынудило В. А. Перовского настаивать на принятии самых решительных мер против хивинцев. Он разрабо-

тал план военного похода, который, по его замыслу, должен был положить предел их «непостижимой наглости», освободить русских подданных, находившихся в рабстве, установить в степи мир и создать нормальные условия для международной торговли. Проект получил правительственное одобрение, и в ноябре 1839 г. начался знаменитый зимний поход на Хиву.

Этот поход часто называют неудачным, так как план Перовского занять Хиву остался неосуществлённым: из-за небывало суровой погоды отряду пришлось с полпути вернуться в Оренбург, и, хотя до сражений дело так и не дошло, войска понесли потери, вызванные морозом и болезнями. Однако основная цель похода была достигнута. Хивинский хан обещал России не давать в дальнейшем поводов для недовольства, вернул всех невольников и специальным «фирманом» запретил — под страхом смертной казни — своим подданным грабить и погонять русских.

О Хивинском походе 1839-1840 гг. написано сравнительно немного. Литература по этому вопросу представлена в основном работами дореволюционного периода, а в более поздних авторы ограничиваются лишь общей негативной оценкой похода как чисто колонизаторской акции и почти не касаются фактической стороны дела. Между тем, это событие, весьма заметное в истории Оренбургского края, несомненно заслуживает большего внимания. Оно не только сказалось на жизни оренбуржцев, людей служилых и торговых, но и значительно повысило всеобщий интерес к Оренбургу. Поэтому многочислен-

ные архивные документы, касающиеся Хивинского похода, должны быть, наконец, обнародованы, а главное, проанализированы с современной точки зрения. Также достойны внимания и опубликованные в своё время, но мало известные широкому читателю воспоминания и письма участников похода, в том числе В.А.Перовского, В.И.Даля, М.И.Иванина, Н.П.Иванова и др. Эти материалы помогут представить общую обстановку в Оренбурге того времени и дать объективную характеристику многих лиц, оставивших след в истории края.

В Хивинском походе принимали участие учёные, которые в труднейших условиях сумели провести естественно-научные наблюдения и получили много важных данных о почти неизвестной природе казахских степей. Ведущую роль среди этих исследователей играли Владимир Иванович Даль (1801-1872), который был — как чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе — ближайшим сотрудником В.А.Перовского, и Александр Леман (1814-1842), молодой натуралист, выпускник Дерптского университета, приглашённый ими для устройства Оренбургского музея и геогностического описания Южного Урала. Об этих замечательных людях и событиях, участниками или свидетелями которых они оказались, рассказывают некоторые документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук (ПФА РАН). К ним, в частности, относятся чрезвычайно любопытные материалы, касающиеся английских агентов, действовавших в 1838-1842 гг. в Средней Азии.

Англия проявляла в это время особенно пристальное внимание к Хиве, предлагая хану дружественную поддержку и посредничество в осложнившихся отношениях с Россией. Одним из направленных в Хиву британских агентов был Джеймс Аббот, капитан артиллерии Ост-Индийской компании, который прибыл в столицу ханства из Герата в янва-

ре 1840 г. Как видно из его записок, опубликованных позднее, он старался убедить хана в том, что его страна, «первая по обширности своих владений, численности населения и мощи», является — не в пример северному соседу Хивы — «естественным союзником мусульманских государств». Собирая разведывательные данные о Хиве и действиях России в Средней Азии, он переправлял их к своему начальству в Герат. Покинув Хиву, Аббот по неясным причинам оказался 1 мая 1840 г. у русского Ново-Александровского укрепления на побережье Каспийского моря. Здесь он представился ханским поверенным в делах, передал Перовскому письмо от хана и пожелал быть отправленным в Петербург. Естественно, что встретили его весьма насторожённо. Однако по правительственному распоряжению Абботу было разрешено приехать — но только не в качестве хивинского посланника — в столицу, а оттуда проследовать на родину.

Вслед за Абботом в Хиву прибыл другой английский офицер — поручик Ричмонд Шекспир, который должен был, действуя более решительно, добиться дружбы с хивинцами и получить от них посреднические полномочия в переговорах с Россией, что обещало послужить созданию плацдарма Англии в Средней Азии. Однако такого оборота дела хан с полным основанием опасался. Он решил искать мира со своим могучим соседом, вернуть, выполняя требования России, невольников и направить в Петербург для переговоров своего посла. Шекспиру оставалось только присоединиться к посольству и ограничиться ролью представителя державы, дружественной России, который якобы спас её подданных из плена (он распространил ложный слух, будто англичане уплатили за них выкуп). Но эта роль ему не удалась. Прибыв в Оренбург 23 сентября 1840 г., Шекспир сразу был отправлен в Петербург, а оттуда не в Хиву, как он предполагал, а в Англию.

Два других английских агента, полков-

ник Чарлз Стоддарт и капитан Артур Конолли, оказались не столь удачливыми, и их поездка по Средней Азии окончилась для них трагически. Стоддарт, состоявший при английской миссии в Персии, прибыл для переговоров в Бухару, но был встречен крайне враждебно и, спасая жизнь, даже принял мусульманство. Конолли побывал в Коканде, где ему удалось избежать смертельной опасности, но в Бухаре в нём усмотрели хивинского лазутчика и арестовали его. Вместе с ним задержали и Стоддарта, который по ходатайству русского правительства был отпущен и готовился к отъезду с караваном, направлявшимся в Оренбург. В 1842 г. они оба после жестоких пыток были публично казнены на площади бухарской столицы перед ханским дворцом.

Мужеству английских офицеров отдал должное известный русский геолог, путешественник, писатель Е.П.Ковалевский, который тогда же, в 1839 г., был отправлен в Бухару — по просьбе хана, для геологических исследований. Эту экспедиционную поездку пришлось прервать из-за начавшихся военных действий, в которых геологам пришлось принять участие, а затем они присоединились к войскам, двигавшимся к Хиве. Ковалевский писал впоследствии о тяжкой участи англичан в Средней Азии: «Все эти люди имели сведения друг о друге через туземцев; положение, общее всем им, заставляло принимать участие одного в судьбе другого; случалось даже, что вещи, отнятые туземцами у одного, выручались другим и служили ему грустным напоминанием прошедшего и зловеющим знамением будущего. Впоследствии некоторые из этих людей сошлись и двое из них только для того, чтобы умереть вместе под ножом убийц».

В Оренбургском областном архиве хранится объемистое дело, документы которого рассказывают, в частности, «о дозволении прибывшему из Хивы в Оренбург английскому капитану Абботу приезда в Санкт-Петербург и разъясне-

ния причин отправления этого офицера английским правительством в Хиву» (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5068).

В секретном письме В.А.Перовскому, датированном 8 июня 1840 г., К.В.Нессельроде сообщает сведения по этому поводу, известные правительству. Он утверждает, что Аббот был послан в Хиву «с целью употребить все возможные меры к предупреждению нашей экспедиции», т.е. Хивинского похода. Русского же посланника в Лондоне английское министерство иностранных дел уверяло, что капитану «поручено единственно стараться склонить хана хивинского, чтобы он поспешил исполнить все требования нашего правительства, возвратить томящихся в неволе российских подданных и не позволял бы хивинцам грабить караваны; но что офицер сей отнюдь не имеет поручения содействовать хивинцам в обороне противу нашего отряда». Однако, пишет далее Нессельроде, «мы не могли отнюдь согласиться на вмешательство английского агента в дела наши с Хивою», и посланнику в Лондоне было предписано «настойтельно требовать отозвать помянутого офицера из Хивы».

Приезд Аббота на нашу линию, предполагал он, «даёт делу новый оборот», так как цель его непонятна, а обстоятельства появления англичанина подозрительны. Задержка его в Оренбурге представляется нежелательной, потому что даст возможность собрать сведения о наших войсках, которые как раз возвращались из зимнего похода и должны были готовиться к новой, планировавшейся в это время военной экспедиции в Хиву. Поэтому Перовскому предлагалось сразу же отправить Аббота в Петербург в сопровождении «благонадежного и скромного чиновника или офицера, которому предписать, чтобы он, соблюдая к Абботу надлежащую учтивость, назидал за всеми его действиями». По прибытии в Москву следовало обратиться к почт-директору А.Я.Булгакову и ожидать распоряжений относительно отъезда в Петербург.

В ответном письме В.А.Перовского, отправленном 13 июня из Москвы, где он остановился по пути в Петербург, сообщается о принятых мерах. «Предполагая, что по настоящему положению сношений наших с Англиею, — пишет Перовский, — строгое обращение с Абботом было бы неуместно, и убедясь при свидании с ним, что строгость не принесла бы никакой пользы, он не подверг англичанина даже домашнему аресту, а приставил к нему «в виде переводчика надёжного офицера Генерального Штаба» и взял слово «не входить ни в какие сношения с азиатцами, в Оренбурге находящимися».

Чтобы Аббот не увидел возвращения наших войск «из дальнего и трудного похода», Перовский «предложил ему воспользоваться приездом его в Оренбург для осмотра всего Уральского края, столь любопытного и мало известного европейцам. Это было принято капитаном с величайшею благодарностью, вследствие чего он и отправлен с прикомандированным к нему офицером в Златоуст, как не имеющий никакой политической важности и которым — в промышленном отношении — Оренбургский край может похвастаться перед англичанином. Путь для поездки избран с намерением не прямой вдоль линии, но через город Уфу и западные отроги хребта Уральского».

Перовский разделяет мнение «о необходимости устранить влияние Великобритании на Туран или часть Средней Азии, к северу от Хиндукуша расположенную», но полагает, что «настоящая попытка англичан к приобретению этого влияния не вполне удачна». Он пишет: «Хотя Аббот с самого начала придерживался системы непроницаемого молчания, но в дальнейших разговорах мне удалось, так сказать, расшевелить его и убедить, что приём, оказанный ему в Хиве, не был далеко приёмом союзника и покровителя, мало отличался от приёма, сделанного в 1819 году капитану нашему Муравьёву. Аббот не пользовался даже полнейшею свободою

и сам, на вопрос мой, что мы, вероятно, свидимся с ним в Хиве, отвечал с неподдельным отвращением: «Чтобы я возвратился в Хиву, — никогда».

О пребывании Аббота в Хиве и о заключениях по пути к Ново-Александровску, когда на отряд напали казахи (называвшиеся тогда киргиз-кайсаками или просто киргизами), свидетельствуют показания сопровождавшего его афганца, которые имеются в этом же архивном деле. В документе говорится: «Англичане в Герате все одеваются по-европейски, но бороды не бреют: Аббот в Хиве к Аллакулу ходил в мундире, с белою чалмою на голове, но вместо шпаги был у него кабульский нож, который пропал при ограблении нас».

Невзгоды, которые перенёс Аббот, попав в плен к казахам, описал Е. П. Ковалевский в цитированной выше статье «Английские офицеры в Средней Азии»: «Аббот был ограблен, избит, изранен; сопровождавшие его афганцы были разобраны киргизами по рукам; жизнь Аббота висела на волоске, но подоспевшие вовремя туркмены, охранению которых он был поручен хивинским ханом, выручили его и проводили в наше Ново-Александровское укрепление, находящееся, как известно, на восточном берегу Каспийского моря; отсюда, больного, привезли его в Оренбург, где он оправился и через Петербург возвратился в Лондон».

О недолгом пребывании Аббота в Оренбурге неизвестно ничего. Но среди тех, кого Перовский приставил к нему, несомненно были вернувшиеся из Хивинского похода В. И. Даль и А. Леман. Это подтверждают документы, которые удалось обнаружить в архивном фонде Лемана в Петербурге (ПФА РАН, ф. 56, оп. 1, д. 3). Прежде всего привлекает внимание портрет Аббота, выполненный Леманом, который был прекрасным художником. На сделанном пером рисунке мы видим характерный профиль молодого офицера в мундире, форменной фуражке и с бородой. Сбоку подписано карандашом: *Abbott*.

В том же архивном фонде находятся три неизвестных письма В. И. Даля к Леману. В одном из них, адресованном в Златоуст, говорится (в переводе с немецкого): «Только что я услышал, дорогой Леман, что Вы в Златоусте. Завтра, в воскресенье, мы со Старбергом тоже будем там; подождите нас, Бога ради, и не предпринимайте в наше отсутствие ничего. Мы хотим вместе совершить все экскурсии на Таганай и т. д. Куда хотите, но только вместе! До свидания. Даль».

Известно, что летом 1840 г., едва придя в себя после путешествия с войсками, Леман отправился в исследовательскую поездку по Южному Уралу. Из приведённого письма следует, что и Даль тогда же оказался в тех же местах. Сопоставляя это с письмом В. А. Перовского, можно задаться вопросом: не был ли Даль тем «благонадёжным и скромным чиновником», который сопровождал английского гостя в путешествии по Южному Уралу, а в Златоусте, передав подопечного другому сопровождающему, оказался свободным и смог встретиться с Леманом?

О дальнейшем следовании Аббота можно судить по письму В. А. Перовского, которое он отправил 27 июня 1840 г., уже из Петербурга, московскому почт-директору А. Я. Булгакову (письмо было опубликовано в 1878 г. в журнале «Русский архив»). «Вы помните, — пишет Перовский, — что лейтенант Петровский, сопровождающий друга нашего Аббота до Петербурга, должен вам представиться во время проезда своего через Москву. „Молодой человек не очень опытен в жизни. Одолжите меня, снабдив его наставлениями вашими на дальнейший путь сюда. Я довольно знаю оренбургских каретников и полагаю, что по приезде в Москву экипажи Аббота совсем испортятся и потому прошу вашей помощи, любезный друг: позаботьтесь, чтобы островитянин наш добрался к нам наилучшим образом. Если он сядет в мал-пост, чтобы взял три места; если поедет в дилижансе первоначального заведения, надо взять весь дилижанс и, коли

найдёте удобным, то приставьте к нему кого-нибудь из ваших почтальонов. Я был очень доволен ездой в дилижансе».

Летом 1840 г. в Оренбурге ожидали приезда другого английского офицера — Стоддарта, которого бухарский хан обещал отпустить на свободу. Об этом свидетельствует дело из оренбургского архива, озаглавленное: «О подготовке помещений для прибывающих в Оренбург с бухарским караваном посланника Муким-Джана Дастарханчи и английского полковника Стоддарта» (ГАОО, ф. 6, оп. 10, д. 5073). Но, как мы уже знаем, обещание было нарушено, и ожидания оказались напрасными.

Со Стоддартом, а также с Конолли довелось на следующий год встретиться Александру Леману, который 17 мая 1841 г. отправился в Бухару с новой русской геологической миссией под началом К. Ф. Бутенёва и пробыл там, изучая природу ханства, больше года. Он много общался с английскими офицерами вплоть до их ареста. В письме, отправленном из Бухары в феврале 1842 г., Леман сообщал,

Джеймс Аббот. Рисунок А. Лемана

что встретил «любезнейших и образованнейших европейцев, какие когда-либо ступали по этой земле, — знаменитого путешественника Артура Конолли и его бравого соотечественника полковника Стоддарта, который уже в течение трёх лет томится здесь. Этого столь приятного, сколь поучительного общения мы лишены, однако, уже длительное время опять из-за столь суровой, сколь несправедливой участи, которая постигла здесь этих путешественников. Они ещё должны жить, но как, этого мы до сих пор никаким образом узнать не можем».

Вскоре после отъезда русской миссии английские офицеры были казнены...

О пребывании в Оренбурге в 1840 г. поручика Шекспира мы узнаём из документов упоминавшегося выше архивного дела (ГАОО, ф.6, оп.10, № 5068), в которых идёт речь о возвращении из Хивы русских невольников.

В деле имеется копия проекта письма В.А.Перовского хивинскому хану, датированного 25 июня 1840 г. Проект составлен в Петербурге, где в то время находился Перовский, и на подлиннике царской рукой начертано: «Быть по сему». В письме говорится:

«С прибывшим в недавнее время в Россию капитаном Абботом, посещавшим также и Хиву, получено здесь новое письмо от владельца хивинского... Хотя во исполнение повелений Его Императорского Величества правительство хивинское неоднократно было извещаемо мною во всей подробности о справедливых требованиях России, ...требования сии донныне не приведены ещё в исполнение...

Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне ещё раз подтвердить владельцу хивинскому:

Во-первых, что присылка в Оренбург всех русских, насильственно удерживаемых в неволе, должна предшествовать всяким переговорам и возобновлению всяких сношений...

Во-вторых, вместе с возвращением всех находящихся в Хиве русских невольников, ханство Хивинское должно

прекратить навсегда враждебные свои против России действия, не притеснять и не возмущать кайсаков, более уже ста лет признающих над собою владычество России; не вмешиваться вовсе в их дела и не оказывать покровительства изменникам кайсаким; не задерживать насильно и не грабить караваны, идущие как из Бухары в Россию, так и обратно; строго наблюдать, чтобы хивинцы не покупали и не держали у себя русских в неволе и наконец предоставить русским торговцам в Хиве ту же свободу и ту же личную безопасность, какими в России пользуются подданные всех азиатских областей, находящихся с нами в мирных и торговых сношениях...

Когда всё сие будет выполнено, тогда только будут прекращены приготовления к военным противу Хивы действиям, отпущатся задержанные в России купцы хивинские с их товарами и торговые сношения возобновятся на прежних основах.

Итак владыке хивинскому открывается ещё возможность к примирению; но для сего он должен действовать искренне и не трать времени в бесполезных для него ухищрениях. Если он вполне постигнет собственные выгоды, то он поспешит исполнить сии требования наши; если же он станет по-прежнему упорствовать в необдуманной вражде против России, то последствия сего упорства докажут ему, что всякое неблагоприятное действие получает рано или поздно заслуженное наказание...

Уже 17 августа 1840 г. комендант крепости Илецкая Защита сообщил: «Сейчас получил я из киргизской степи извещение, что бывший в плену корнет Аитов следует с пленными русскими прямо к линии...» А 19 августа в Петербург Перовскому из оренбургской пограничной комиссии было отправлено письмом, в котором говорилось: «Возвратившийся из Хивы корнет Аитов объявляет, что освобождённые тамошним владельцем русские пленные, числом до 400 человек, при посланце ахуне Атаджане Ибрагимове и англичанине Шекспире от-

правлены к Ново-Александровскому укреплению».

Со слов Аитова Перовский 8 сентября сообщал Л.Г.Сенявину, что в Старом Ургенче корнет видел верблюдов, выделенных для невольников, и «300 батманов (375 пудов) пшеничной муки, заготовленной для пленных, и слышал будто караван уже выступил и каждый русский, сверх прежней раздачи, получил ещё от хана по 3 рубля серебром».

Семнадцатого сентября, ссылаясь на рапорт коменданта этого укрепления, начальник штаба Рокасовский доносил военному губернатору, что «возвращённые из Хивы 416 наших пленников, в том числе несколько женщин и детей, 5 сентября отправлены из Ново-Александровска морем на трёх вольнонаёмных судах и прибыли в Гурьев 12-го числа». В архивном деле имеется список всех

пленных с указанием места и времени пленения каждого из них. Там же — документы об освобождении задержанных хивинских купцов.

Наконец, в письме Нессельроде к Перовскому от 10 сентября 1840 г. говорится, что действия хивинского хана, «решившего наконец исполнить одно из главных требований наших», позволяют «тем более удовольствоваться сим событием, что оно устраняет необходимость возобновления ныне военной экспедиции против Хивы и, следовательно, избавляет воинство российское от тех трудностей степного похода, которые оно со свойственным оному самоотвержением столь мужественно переносило в экспедиции прошлой зимы».

Теперь было принято решение посланца хана «принять благосклонно и допустить его к Высочайшему двору».